

Глава 16. Близкий друг

Сколько бы тайн ни скрывала гибель семьи Ши, по крайней мере, на поверхности враги были наказаны на месте, и мир узнал, что у этого рода есть наследник с выдающимся талантом по имени Ши Цинъянь.

А рядом с ним — непревзойдённый мастер, способный на равных сражаться с воплощением Бессмертного Владыки. Очевидно, юноше сопутствовала невероятная удача.

Очки репутации росли по мере распространения слухов, и вот только что счётчик достиг круглого числа.

[Репутация Дитя удачи: 3000]

[Награда зачислена]

Рост репутации привлекал всё больше сторонников. Едва прозвучал сигнал Системы, как прибыл коммуникационный талисман синей птицы из Девятирусной Башни.

Бывшие вассалы семьи Ши один за другим отправляли послания:

«Мы, верные слуги, по-прежнему желаем следовать за главой дома Ши и надеемся на скорую встречу».

Ши Цинъянь, только что оправившийся от прощания с родными, сжал в руке послания, и в его голове начал складываться план. Пока он жив, жив и род Ши.

Он ненавидел свою беспомощность и стыдился того, что сейчас у него нет ни гроша за душой и он ничем не может помочь Цин Чаньюю. Будь то неловкость от испачканного рукава при первой встрече или чувство вины в гостинице — всё это заставляло его отчаянно желать перемен.

В сердце юноши Цин Чаньюй стал единственным родным человеком в этом мире, и он мечтал однажды стать для него опорой. Ши Цинъянь попросил разрешения уйти.

Цин Чаньюй достал стопку талисманов синей птицы. Увидев, как Ши Цинъянь поднял руку, он уже собирался протянуть их, но внезапно почувствовал, как его крепко обхватили за талию.

Ши Цинъянь глухо всхлипнул, не выпуская его из объятий, а уголки его глаз покраснели от слёз.

— Братец Чанъюй, я вернусь не позже чем через три месяца и обязательно отплачу тебе...

Цин Чанъюй прервал его речь, звучавшую как зловещее предзнаменование. Он опасался, что великая милость обернётся враждой, и в какой-то момент его наградят ударом ножа в спину в качестве «благодарности».

— Не думай о лишнем. Если что-то понадобится, используй этот талисман для связи.

Юноша снова всхлипнул, пряча лицо у него на груди.

«Этот Ши Цинъянь не из плакс, — недоумевал Цин Чанъюй. — Почему же он сегодня так долго рыдает, вцепившись в меня?»

Во время восстановления меридианов, даже когда у него в животе зияла огромная рана, он за три сеанса в целебной ванне не издал ни звука.

«Всего лишь временная разлука... Откуда столько слёз? — подумал Цин Чанъюй. — Да, этот юноша Ши — человек глубоких чувств».

Дыхание и слёзы юноши оставили на груди Бессмертного Владыки влажное тёплое пятно. Цин Чанъюй задумался, не будет ли слишком грубо сейчас его оттолкнуть — это не соответствовало бы атмосфере прощания.

В ушах раздавался треск, словно Система отбивала телеграмму. Похоже, её грязные ругательства были заглушены цензурой.

Ши Цинъянь глубоко вздохнул и, наконец, отстранился.

— Я обязательно вернусь как можно скорее.

Цин Чанъюй проводил его взглядом, пока тот не исчез в небе на своём мече, и невольно вздохнул.

«Сюжет и впрямь сам лезет в руки, заставляя следовать сценарию. Что ж, можно считать, что я вывел Дитя удачи из "стартовой локации". Тоже неплохо».

Синяя птица в его руке чирикнула пару раз, привлекая внимание. Цин Чанъюй погладил её по клюву.

— Что-то ещё хочешь сказать?

Птица склонила голову набок, а затем из её клюва раздался знакомый голос:

«Что ты делал на Континенте Срединных земель?»

Суй Цзяньюй всегда был в курсе всего. Вероятно, кто-то доложил ему, как только Цин Чаньюй покинул Платформу Нефритового Дракона. Ранее он сказал другу, что если тому станет скучно, он может связаться с ним с помощью этой синей птицы.

Поэтому Цин Чаньюй спросил:

«Соскучился по мне?»

На том конце воцарилось молчание, а затем раздался раздражённый голос Суй Цзяньюя:

«Опять дурачишься! На Континенте Срединных земель полно цветов футу, ты снова использовал своё искусство призыва душ?»

Затем он холодно усмехнулся:

«Ты, Цин Чаньюй, конечно, велик, у тебя жизни в избытке, можешь тратить её направо и налево!»

Цин Чаньюй прикрыл уши. Он немного скучал по прежней, более мягкой и спокойной версии своего друга.

К тому же здоровье у Суй Цзяньюя было слабым. После такой гневной тирады он зашёлся кашлем, отчего Цин Чаньюй почувствовал себя ужасным злодеем.

— Я же не умру, не волнуйся, — тихо сказал он в ответ.

На том конце, очевидно, были вне себя от ярости. Голос главы ордена дрожал, словно он вот-вот упадёт без сил:

«Ты-то не умрёшь, но сколько ещё пятидесятилетий ты заставишь меня ждать?»

Цин Чаньюй замолчал. Он опустился на землю и начал перебирать лепестки цветов футу, испачкав руки блестящей синей пылью. Спорить с Суй Цзяньюем было нельзя — он боялся довести своего болезненного друга до беды.

У него был всего один такой близкий человек.

Суй Цзяньюй на том конце выпил чаю, чтобы промочить горло. Когда гнев утих, его голос стал гораздо спокойнее:

«Обиделся?»

— Как я смею обижаться на главу ордена, — ответил Цин Чаньюй.

Гнев Суй Цзяньюя угас. Он представил себе обиженный вид друга, и его сердце сжалось от боли.

«Это я погорячился. Прости, не должен был на тебя кричать».

— Тогда прокукуй как птичка, и я тебя прощу, — сказал Цин Чаньюй.

...

«Я связался с тобой на самом деле из-за слухов на Континенте Срединных земель», — ответил Суй Цзяньюй.

«И кто из нас еще переводит тему!» — подумал Цин Чаньюй, а вслух притворно всхлипнул:

— Значит, ты неискренне извинялся?

...

«Недавно пошли слухи, что Бессмертный Владыка Срывающий Луну возродился на Континенте Срединных земель... ку-ку. Заклинатели, отправившиеся на поиски, бесследно исчезли. Боюсь, кто-то выдаёт себя за тебя».

Цин Чаньюй хлопнул в ладоши.

— Отлично, отлично! — Он не смог сдержать смеха. — Раз так, я немедленно отправлюсь туда и всё разузнаю.

Отсмеявшись, Цин Чаньюй вспомнил их разговор и добавил:

— Главе ордена предстоит прожить ещё много пятидесятилетий, не волнуйся.

Синяя птица опустила голову и начала чистить пёрышки — это означало, что на том конце молчат. Спустя долгое время Суй Цзяньюй произнёс:

«Ты не должен был меня спасать. Если небеса пошлют кару, я должен принять её сам».

Обычные заклинатели не беспокоятся о продолжительности жизни. Постоянно совершенствуясь, они продлевают её вместе с ростом силы. Если же талант ограничен и жизнь подходит к концу, значит, таков их предел. Но Суй Цзяньюй родился с изъяном — без духовных корней.

При рождении родители насильно связали его судьбу с Девятиярусной Башней, продлив ему жизнь на двести лет. Продолжительность его жизни была предначертана на нити причинно-следственной связи: ни днём больше, ни днём меньше — ровно семьдесят три тысячи дней.

Такова была его судьба. Пятьдесят лет назад Суй Цзяньюй уже приготовился к смерти.

Но в мире существовал Цин Чаньюй. Весь в ранах, он появился под летней грозой и постучал в окно друга. Просунув в щель порезанную руку, он начал поить его своей духовной кровью.

Духовная кровь дарует долголетие. Жизненные силы Суй Цзяньюя начали стремительно восстанавливаться, в то время как лицо Цин Чаньюя становилось всё бледнее. Ослабленный организм не выдержал такого резкого притока силы, и тот начал терять сознание. Он мёртвой хваткой вцепился в руку Цин Чаньюя, смешивая свои кровавые слёзы с его кровью, и лишь получив обещание «я не умру», закрыл глаза.

Три дня спустя весть о смерти Цин Чаньюя разнеслась по всему миру заклинателей. Суй Цзяньюй был умнейшим человеком, и за всю свою жизнь его обманули лишь однажды. Он должен был догадаться: изменение судьбы влечёт за собой кармические последствия. Тот, кто должен был умереть на самом деле — это он.

— Ты мой самый близкий друг, — сказал Цин Чаньюй. — Я спас тебя по велению сердца, по своей воле. К тому же Девятиярусная Башня мне тоже немало помогла.

Например, три года назад в Павильоне Драгоценных Канонов Цин Чаньюй отрубил руку торговцу, который пытался его облапать, но приказ о его поимке так и не был издан. Очевидно, Девятиярусная Башня замяла это дело. Или на Платформе Нефритового Дракона именно она предоставила Ши Циньяню поддельную личность, иначе участие в турнире потребовало бы куда больших усилий.

Суй Цзяньюй слабо улыбнулся:

«Значит, от меня всё-таки есть какая-то польза».

Близкие друзья, которым доверяешь свою жизнь. Какое доверие.

«Хорошо, что я полезен. Может быть, тогда ты не так легко меня оставишь».

Цин Чаньюй вздохнул, понимая, что собеседник снова себя принижает.

— Твоя польза в том, чтобы ты жил долго и счастливо и провёл со мной тысячу лет.

Он лежал в море цветов футу, подложив руки под голову, и смотрел, как ветер уносит лепестки.

— Понял? Если понял, прокукуй.

...

...

«Ку-ку».

Синяя птица легонько клюнула Цин Чаньюя в запястье и растворилась в воздухе.

<http://bllate.org/book/16005/1571062>